

Некрасов

Николай Алексеевич

1821 - 1878

Классики

за 30 минут

Классики за 30 минут

Некрасов за 30 минут

«Мельников И.В.»

Некрасов за 30 минут / «Мельников И.В.», — (Классики за 30 минут)

Серия «Классики за 30 минут» позволит Вам в кратчайшее время ознакомиться с классиками русской литературы и прочитать небольшой отрывок из самого представленного произведения. В доступной форме авторы пересказали наиболее значимые произведения классических авторов, обозначили сюжетную линию, уделили внимание наиболее важным моментам и показали характеры героев так, что вы сами примите решение о дальнейшем прочтении данных произведений, что сэкономит вам время, либо вы погрузитесь полностью в мир данного автора, открыв для себя новые краски в русской классической литературе. Для широкого круга читателей.

Содержание

Библиографический очерк	5
Славная осень, здоровый ядреный...	8
Несжатая полоса	9
Железная дорога	11
Размышления у парадного подъезда	12
В дороге	13
Элегия	14
Поэт и гражданин	16
Кому на Руси жить хорошо	17
Мороз, красный нос	23
Русские женщины	25
Железная дорога	28
Размышления у парадного подъезда	32
В дороге	35
Поэт и гражданин	37
Кому на Руси жить хорошо	45
Часть первая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Некрасов за 30 минут

Библиографический очерк

Величайший русский поэт, публицист и классик мировой литературы Николай Алексеевич Некрасов появился на свет 10 октября (28 ноября по ст. стилю) 1821 года в городке Немиров Подольской губернии и помимо мальчика, в семье подрастало еще 13 отпрысков. Его детство прошло в селе Грешнево Ярославской губернии в родовом имении отца – Алексея Сергеевича Некрасова, служившего поручиком и являвшегося богатым помещиком, человека очень сурового, тиранившего не только крепостных работников, но и собственную семью. Душевная рана, полученная от него писателем в детстве, останется с ним на всю жизнь. Мать юноши – Елена Андреевна Закревская, мудрая и образованная женщина и именно ее воспитанию он обязан любовью к литературе и русской словесности. С самого начала родители девушки были против этого брака с малообразованным армейским офицером, но она настояла на своем. И брак действительно оказался крайне неудачным. Однако своим детям она постаралась дать прекрасное образование.

Все сознательное детство Николая Алексеевича прошло в атмосфере семейного разлада. Он неоднократно становился свидетелем необузданного нрава отца, его расправ над крепостными и развратных оргий с любовницами, жестокого обращения с женой. Последняя была вынуждена это все терпеть. Именно образ страдальцы-матери и вообще женской доли был отображен позже во многих произведениях автора: поэма «Кому на Руси жить хорошо», стихотворении «Орина, мать солдатская» и пр.

Алексей Сергеевич часто брал сына с собой в разъезды, еще в бытность службы исправником, к которой привело неумелое обращение с имением и многочисленные долги. Именно тогда мальчику довелось в совсем нежном возрасте увидеть смерть, побои, жестокость, выбивание недоимок и др. Все эти картины крестьянской жизни, ее незащищенность, нищета и суровость потом составят костяк всего творчества писателя.

Начиная с 1832 по 1837 годы, одиннадцатилетний Некрасов учится в Ярославской гимназии, но наука дается ему очень не просто, он постоянно прогуливает занятия, находя отдушину в сочинении стихов. Доучился он лишь до пятого класса.

1838 год ознаменовался для семнадцатилетнего юноши отправкой в Петербург для службы в дворянском полку, на чем настаивал его амбициозный родитель. Сам молодой человек предпочел учебу военной карьере и приступил к подготовке к экзамену в Петербургский университет. Но вступительных испытаний не выдержал и определился вольнослушателем на филологическое отделение. Этот пассаж будущего писателя привел в бешенство отца, который отказался материально поддерживать отпрыска.

Последующие годы жизни и учебы в Петербурге были одними из самых тяжелых для Некрасова. Они сопровождались постоянной нищетой, голодом и холодом. Часто ему целыми днями было совсем нечего есть и негде жить. Но отступать было не в его характере и эти трудности только закалили его.

Спустя несколько лет скитальческой жизни, дела стали понемногу налаживаться. Николай Алексеевич начинает давать уроки и писать статьи для «Литературного прибавления к «Русскому инвалиду»», а также, для «Литературной газеты». А лубочным издателям он мог предложить стихотворные сказки и азбуки. Сочинял водевили для Александринского театра под псевдонимом Перепельского. До середины 1840-х годов очень много и напряженно работает, реализуя себя в амплуа писателя, поэта, критика, публициста. Все наработки этих лет позже лягут в основу его собственного реалистического метода.

Уже в 1840 году увидела свет первая книжка стихов Некрасова «Мечты и звуки», но все стихотворения и баллады носили очень подражательный характер многим популярным тогда авторам. Примечательно, что еще перед публикацией, автор показал свое творение Василию Жуковскому, надеясь получить хвалебный отзыв, но последний выделил лишь два стихотворения и посоветовал остальные издавать без имени, поскольку видел талант Некрасова и знал, что позже тот напишет гораздо лучше и ему будет стыдно за плохую работу. Поэтому часть творений вышла под инициалами «Н.Н.».

Книге был оказан двоякий прием: некоторые критики – Н. Полевой – ее хвалили, другие – В. Белинский – ругали. Объем ее продаж был столь ничтожен, что молодой Некрасов принялся скупать и уничтожать изданные экземпляры, как это в свое время делал и Н. Гоголь. И именно поэтому в последствии, книга стала невероятно редкой, ведь осталось всего несколько ее копий.

Грандиозное фиаско на поэтическом поприще, заставило писателя обратить пристальный взгляд на поприще прозаическое. Его ранние рассказы отображали собственный жизненный опыт писателя и впечатления от Петербурга. Были выдержаны в традициях реалистической школы, во главе которой находились Гоголь и Белинский. Тогда же Некрасов пробует себя в юмористических произведениях: поэма «Провинциальный подьячий в Петербурге», водевиль «Феоктист Онуфриевич Боб», «Вот что значит влюбиться в актрису», «Материнское благословенье, или бедность и честь», сатирическая поэма «Современники» (1875 г.) и пр.

С начала 1840-х годов является полноценным сотрудником «Отечественных записок», а в 1842 году знакомится лично с В. Белинским, который в последствии оказал на него огромное влияние. Проявляет себя и как издатель множества альманахов: «Статейки в стихах без картинок» (1843 г.), «Физиология Петербурга» (1845 г.), «1 апреля» (1846 г.), «Петербургский Сборник» (1846 г.) и др. Примечательно, что в последнем дебютировал сам Ф.Н. Достоевский, писали для него И.С. Тургенев, А.И. Герцен, А.Н. Майков. Эта деятельность так увлекает Некрасова и так хорошо получается, что вскоре (в 1846-1847 гг.) он совместно с И. Панаевым покупает в аренду журнал «Современник», который в свое время, основал еще А.С. Пушкин. В этот же журнал переходит и В. Белинский, равно как и все молодые литературные дарования того времени.

«Современник» справедливо назвать легендарным изданием, ведь в нем снискали популярность: И. Тургенев, И. Гончаров, А. Герцен, Н. Огарёв. В журнале публиковались А. Островский, М. Салтыков-Щедрин, Г. Успенский. Именно Николай Алексеевич Некрасов открыл для русской и мировой литературы такие имена как Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой. Также в журнале печатались Николай Чернышевский и Николай Добролюбов, которые вскоре стали идейными руководителями издания.

Период с середины 1850-х годов сложно назвать простым для Некрасова и во многом это связано с политической обстановкой в стране, расколом в редакции «Современника» на два противоборствующих лагеря. В это время создаются такие творения как: «Поэт и гражданин» (1856 г.), «Размышления у парадного подъезда» (1858 г.), «Железная дорога» (1864 г.).

Начало 1860-х годов стало периодом студенческих волнений, крестьянских бунтов и польского восстания. Все эти события в итоге привели к закрытию «Современника», смерти Добролюбова, ссылке в Сибирь Чернышевского и Михайлова. Однако уже через два года, в 1868 году Некрасов арендует «Отечественные записки» и вместе с М. Салтыковым-Щедриным преобразует в боевое издание революционного народничества.

В начале 1875 года у поэта обнаружили неизлечимое онкологическое заболевание и последующие два года он, по сути, был прикован к постели. Но даже тогда старался не падать духом, создал свои «Последние песни». 27 декабря 1877 года в восемь часов вечера Николай Алексеевич Некрасов скончался.

Именно его похороны стали самым первым случаем всенародного прощания с гениальным писателем, а проводить Некрасова в последний путь пришла многотысячная толпа молодежи, которая в сильный мороз сопровождала тело поэта до Новодевичьего кладбища в Петербурге.

Личная жизнь классика мировой литературы столь же насыщена и многогранна, как и творческая.

В 1842 году молодой человек на поэтическом вечернем мероприятии знакомится с Авдотьей Панаевой, супругой писателя Ивана Панаева. Она умна, привлекательна, хозяйка домашнего литературного кружка, считается, даже, одной из самых красивых женщин Петербурга. В нее влюблен Достоевский, но безответно. Влюбляется в нее и Некрасов, на которого она сначала тоже не обращает внимания, поскольку чтит семейные устои, хотя у ее мужа репутация ловеласа и повесы. Ее первоначальный отказ Николаю Алексеевичу едва не заканчивается самоубийством последнего. Однако во время совместного путешествия четы Панаевых и Некрасова в Казанскую губернию, молодые люди понимают, что любят друг друга. Вернувшись из поездки, они втроем начинают жить одной большой и очень странной семьей, вместе с мужем Авдотьи.

Несмотря на общественное осуждение таких отношений и непонимание даже близких друзей, Николай и Авдотья счастливы. Вместе они создают один из лучших циклов Некрасова «Панаевский цикл», где девушка выступает под псевдонимом «Станицкий». А троица остается неразлучной на протяжении шестнадцати лет, до смерти Ивана Панаева. В 1849 году любовники становятся родителями мальчика, но последний вскоре умирает. Эта трагедия приводит к постоянным ссорам возлюбленных. А в 1862 году после смерти мужа, Авдотья и вовсе уходит от Некрасова. Но он помнит ее всю жизнь и даже указывает в завещании.

Затем была непродолжительная интрижка с французской актрисой Селиной Лефрен, с которой он познакомился в 1863 году в Петербурге. А позже, он повстречал Фёклу Анисимовну Викторову – простую и необразованную деревенскую девушку, двадцати трех лет, тогда как самому Некрасову было уже сорок восемь. Он усиленно занимается ее воспитанием и образованием, водит на концерты и на выставки, придумывает имя – Зина. С этого момента Фёкла сама себя называет Зинаидой Николаевной, заучивает наизусть стихи Николая Алексеевича и вскоре становится его законной супругой. Женитьба, однако, не помешала Некрасову одновременно тосковать по Авдотье Панаевой, любить Зинаиду, а за границей продолжать роман с Селиной Лефрен.

О пристрастии поэта к карточным играм и, особенно, охоте, слагали легенды. Но после случайного убийства Зинаидой его любимого пса – пойнтера Кадо, навсегда отказался от этого занятия.

Таким талантливым и многогранным Николай Алексеевич Некрасов и вошел в историю.

Славная осень, здоровый ядреный...

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;
Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно – покой и простор!
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.
Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни –
Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

Это стихотворение является одной из четырех частей большого произведения «Железная дорога». Оно спокойное и умиротворенное. Автор описывает позднюю осень. Радует красоте русской природы, которая способна взбодрить и залечить душевные раны: «...Воздух усталые силы бодрит...». Использует эпитеты, сравнивая тонкий лед с сахарной непрочной корочкой, а опавшие листья в лесу – с постелью, на которой можно сладко поспать и отдохнуть от житейской рутины: «...Лед неокрепший на речке студеной Словно как тающий сахар лежит...», «...Около леса, как в мягкой постели, Выспаться можно...».

Согласно сюжету, автор путешествует в вагоне по недавно построенной железной дороге. И в этой части стихотворения он замечает красоту еще свежих листьев, затишье и отсутствие «безобразия» в природе, величие моховых болот: «...Листья поблекнуть еще не успели, Желты и свежи...», «...Нет безобразья в природе!...», «...И моховые болота, и пни...».

Финальная часть произведения посвящена уже размышлениям автора о той цене, которую заплатили простые рабочие за строительство этого чугунного моста между Москвой и Петербургом. О сотнях тысячах загубленных жизней и эти думы повергают Некрасова в печаль и уныние: «...Быстро лечу я по рельсам чугунным, Думаю думу свою...».

Несжатая полоса

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,
Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.
Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,
Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!
Нас, что ни ночь, разоряют станицы,
Всякой пролетной прожорливой птицы,
Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?
Или мы хуже других уродились?
Или недружно цвели-колосились?
Нет! мы не хуже других – и давно
В нас налилось и созрело зерно.
Не для того же пахал он и сеял
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»
Ветер несет им печальный ответ:
– Вашему пахарю моченьки нет.
Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.
Плохо бедняге – не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,
Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли, как плети.
Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,
Как на соху, налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою.

Несмотря на то, что поэт родился и вырос в помещичьей семье, он хорошо знал крестьянский быт, привычки и образ жизни этих людей, сопереживал их трудностям. Ему было известно, что только тяжкий труд на земле – единственное средство выживания для простого человека. И никогда ни один хозяин не оставит пропадать зерно в поле, поскольку это хлеб, а значит, еда для него самого и его семьи. Поэтому иллюстрация этой одинокой несжатой полоски с зерном – самый лучший показатель того, что с крестьянином что-то не так и что-то случилось.

Выдержанное в лучших традициях реалистической школы, это стихотворение показывает, что мечты поэта о том, что с отменой крепостного права, жизнь простых работяг будет гораздо легче – не оправдались. Наоборот, стало еще хуже. Крестьяне стали свободными, но потеряли право обрабатывать землю, что делали веками, исчезла и уверенность в завтрашнем дне, постоянная занятость, а значит, наступил голод. И именно голод и тяжкая болезнь помешали работнику собрать урожай: «...Вашему пахарю моченьки нет... Да не по силам работу затеял Плохо бедняге – не ест и не пьет...».

Автор от имени колосьев пшеницы вопрошает: «...Где же наш пахарь? чего еще ждет? Или мы хуже других уродились?...» и сам же отвечает: «...Нет! мы не хуже других – и давно В нас налилось и созрело зерно...». Но констатирует, что крестьянин не в состоянии убрать хлеб, он сам еле жив: «...Руки, что вывели борозды эти, Высохли в щепку, повисли, как плети Очи потускли, и голос пропал...».

Железная дорога

Это культовое стихотворение очень реалистично и лишено всяческих прикрас. Местами оно отталкивающее и шокирующее. Состоит из четырех отдельных частей. Первая часть – это зарисовка осенней русской природы через окно вагона, в котором путешествует автор; вторая – рассказ отца-генерала сыну-подростку о строительстве железной дороги. Последующие части – спор генерала и автора, ставшего случайным свидетелем этого разговора о той цене, которая была заплачена за это строительство, о тысячах загубленных жизнях, о страшных условиях труда рабочих, о голоде, холоде и болезнях, с которыми столкнулись вчерашние крепостные, а сегодня – свободные и безработные крестьяне, в надежде заработать копеечку.

Показана и радость от окончания строительства, но все лавры достаются сильным мира сего, а рабочие так навсегда и легли в сырую землю по обочинам железной дороги.

Размышления у парадного подъезда

Стихотворение посвящено судьбе простого русского мужика. Как и многие произведения автора, оно содержит в себе горечь от бедственного, несправедливого и безрадостного существования крестьян, которые всю жизнь вынуждены быть просителями: «...мужики подошли, Деревенские русские люди... Свесив русые головы к груди...», «...«Допусти», – говорят С выраженьем надежды и муки...». Но их отовсюду гонят сытые хозяева этой жизни, не понимая, что именно на этих простых работах и держится все их благосостояние.

Некрасов с болью в сердце вопрошает этих господ: «...Ты, считающий жизнью завидною Волокитство, обжорство, игру, Пробудись! Есть еще наслаждение: Вороти их! в тебе их спасение!..» и сам же говорит: «...Но счастливые глухи к добру...». Он возмущен несправедливостью того, что эти богачи не боятся суда ни земного, ни небесного: «...Не страшат тебя громы небесные, А земные ты держишь в руках...», а в жизни простых людей ничего к лучшему не меняется: «...И несут эти люди безвестные Неисходное горе в сердцах...».

Заканчивается стихотворение мыслью о том, что наша земля переполнена горем людским, плачем и голодом обычного русского мужика: «...Волга! Волга!.. Весной многоводной Ты не так заливаешь поля, Как великою скорбью народной Переполнилась наша земля...».

В дороге

Николай Алексеевич Некрасов по праву считался тонким знатоком души простого человека и именно ему посвящено подавляющее большинство его произведений. Это стихотворение не стало исключением и повествует о судьбе простой крестьянки, которая была воспитана в барском доме и приучена к сытой и хорошей жизни. Потом она господам надоела и ее вернули обратно в деревню, только делать она ничего не умеет, о тяготах крестьянской рабочей жизни ей ничего не известно. В этом и заключается ее жизненная трагедия – она вынуждена выживать в мире, к которому не приспособлена: «...Ни косить, ни ходить за коровой! Да, вишь, дело в руках не спорилось! Как дрова или воду несла, Как на барщину шла – становилось...», «...То натерли ей ногу коты, То, слышь, ей в сарафане неловко...».

Основная мысль произведения – нельзя просто так вырывать человека из его социального окружения, люди – это не игрушки и не собачонки, которых потом просто можно выгнать за ненадобностью: «...А украдкой ревет, как шальная...Погубили ее господ, А была бы бабенка лихая!..».

В рассказе барину, ямщик сокрушается, что Груша так и не поняла главного – что она не относится к миру господ, но выученная так, она не умеет вести себя иначе, а что хуже, прививает те же барские замашки маленькому сыну, который тоже никогда не станет баринком, ему это только помешает в жизни: «...Учит грамоте, моет, стрижет, Словно барченка, каждый день чешет, Бить не бьет – бить и мне не дает...Да недолго пострела потешит!..». То есть, отец понимает, что однажды сыну придется заново учиться работать, скудно питаться, плохо одеваться и вести обычную крестьянскую жизнь, в соответствии со своим настоящим социальным статусом. И переживает за сына, справится ли он с этим. Ведь супруге этот переход дается очень-очень тяжело: «...как щепка худа и бледна, Ходит, тоись, совсем через силу, В день двух ложек не съест толокна – Чай, свалим через месяц в могилу...».

По мнению автора, рожденные господами – никогда не станут крестьянами, равно как и рожденные простыми людьми – никогда не станут хозяевами жизни. Это два противоположных мира, которые никогда и нигде не пересекаются. А если это и происходит, то неизменно заканчивается человеческой трагедией.

Элегия

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна.
Не верьте, юноши! не стареет она.
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвел бы божий мир!.. Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!..
Толпе напоминать, что бедствует народ,
В то время, как она ликует и поет,
К народу возбуждать внимание сильных мира –
Чему достойнее служить могла бы лира?...
Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил – и сердцем я спокоен...
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...
Я видел красный день: в России нет раба!
И слезы сладкие я пролил в умиление...
«Довольно ликовать в наивном увлеченье, –
Шепнула Муза мне. – Пора идти вперед:
Народ освобожден, но счастлив ли народ?..
Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою,
Старик ли медленный шагает за сохою,
Бежит ли по лугу, играя и свистя,
С отцовским завтраком довольное дитя,
Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы –
Ответа я ищу на тайные вопросы,
Кипящие в уме: «В последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долгому пришедшая на смену
Свобода наконец внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?..»
Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье:
На сельские труды зову благословенье,
Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества моллю,
И песнь моя громка!.. Ей вторят доли, нивы,

И эхо дальних гор ей шлет свои отзывы,
И лес откликнулся... Природа внимлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта,
Увы! не внимлет он – и не дает ответа...

Произведение, как и все творчество «мужицкого поэта» посвящено сложной жизни обычного крестьянина. Название «Элегия» радостное и торжественное, но это ирония. И заключается она в том, что поэту хотелось бы, чтобы после отмены крепостного права: «...Я видел красный день: в России нет раба! И слезы сладкие я пролил в умиление...» и с обретением свободы, люди стали жить лучше, но этого не произошло: «...Народ освобожден, но счастлив ли народ?...», «...Сносней ли стала ты, крестьянская страда? И рабству долгому пришедшая на смену Свобода наконец внесла ли перемену В народные судьбы? в напевы сельских дев?...».

Но ответа на этот вопрос нет: «...Кому посвящены мечтания поэта, Увы! не внимлет он – и не дает ответа...».

Поэт и гражданин

На момент написания данного произведения, в общественной жизни произошло переосмысление роли поэзии в формировании общественного мнения. Она перестала быть флагоманом и стала выполнять исключительно развлекательную функцию. Такое положение дел совершенно не устраивало поэта.

Согласно сюжету, происходит полемика между поэтом, под которым Некрасов подразумевает себя самого и обычным гражданином. Последний уговаривает поэта начать что-то писать, руководить мышлением народа, но тот не в духе, он упрямится и сокрушается, что к нему никто не прислушивается: «...Но я обстрелянная птица. Жаль, нет охоты говорить...» и крайне безосновательно и не скромно сравнивает себя с Пушкиным: «...Так я, по-твоему, – великий, Повыше Пушкина поэт?...». К счастью, сам одергивает свое самомнение: «...Ну, нет! Твои поэмы бестолковы, Твои элегии не новы...». Тем самым, не просто претендуя на лавры величайшего из поэтов, что правдой не является, но и плачась на отсутствие таланта: «...Учить других – потребен гений, Потребна сильная душа, А мы с своей душой ленивой, Самолюбивой и пугливой, Не стоим медного гроша...».

Апофеозом стихотворения является фраза, ставшая крылатой: «...Поэтом можешь ты не быть, Но гражданином быть обязан...», подразумевающая, что нельзя оставаться безучастным к тем событиям, которые происходят в стране и обществе. А главная задача писателя, по мнению автора, эти события переосмысливать и как-то на них реагировать, учить людей задумываться об этом, формировать их мышление и взгляды.

Кому на Руси жить хорошо

В не известную пору, на не известной земле на столбовой дороге сошлись семь временнообязанных мужиков из разных деревень и заспорили о том, кому на Руси жить хорошо. Роман думает, что вольготно живет помещику; Демьян – чиновнику; Лука – попу; братья Губины – Иван и Митродор, что купцу толстопузому; старик Пахом – вельможному боярину, министру государеву; а Пров считает, что царю. И так они крепко между собой заспорили, что на них прохожие оборачиваться начали, думали, что ребята клад нашли, да поделить не могут. Пора бы им уже и разойтись каждому по своим делам, но они никак не наспорятся, так и идут в ряд, перекиваются. Незаметно наступил вечер, потом и темнеть начало, а они все спорили. Но им повстречалась корявая ведьма Дурандиха и спросила о том, куда они собрались на ночь глядя. Этот вопрос привел споривших в чувство. Они задумались.

Тем временем, наступила настоящая ночь, а они незаметно для себя отошли от дома верст за тридцать и Пахом предложил отдохнуть до утра, а потом обратно идти. Они присели около леска, сбегали за водкой и закуской. Выпили, поели и снова затеяли свой спор. Началась драка. Поднялся невообразимый шум-гам, лесные звери и птицы вышли из леса посмотреть, что там происходит, на людские голоса прибежала корова, отбившаяся от стада. Хорошенько поколотив друг друга и наоравшись, их сморила дремота и они легли спать. Но ответ на вопрос так и не был найден.

К костру неожиданно пробрался маленький птенчик птицы пеночки, поймал его Пахом и стал рассматривать, приговаривая, что отобрать бы у него крылышки, чтобы облететь всю Русь-матушку и посмотреть, кому же хорошо живет. Пров сказал, что не нужно крыльев, но неплохо бы по полпуда хлеба в день и они сами бы своими ногами обошли всю землю, чтобы разрешить спор, а братья Губины попросили еще по ведру водки, и по десятку соленых огурцов, и квасу, и чаю – шутили другие. Птичка полетала над ними, послушала и вдруг человеческим голосом попросила отпустить птенчика, а она им за это даст все, о чем они только что просили. Мужики удивились, но согласились и птица объяснила им как найти скатерть самобраную, которая сама их накормит и напоит, когда они попросят. Эта же скатерть умеет и чинить одежду, стирать ее и высушивать. Пахом отпустил птенчика и улета, волшебная птичка предупредила просить в день не больше одного ведра водки, иначе два раза их желание сбудется, а на третий – быть беде.

Они ее послушали и пошли искать ту скатерть самобраную, а когда нашли, то закатали пир горой, пообещали друг другу больше не драться. Решили не возвращаться домой к женам, детям и родителям, пока не найдут ответ на вопрос о том, кому живет весело, вольготно на Руси.

Первая глава поэмы называется «Поп». Странники отправляются в путь, и проходят по дороге, вдоль которой тянутся деревни, часто полуразрушенные и кривые от мужицкого горя, посева бедные, дороги разможены весенним половодьем. Навстречу им шли такие же бедные крестьяне, солдаты, ямщики – у них не было смысла спрашивать о том, насколько хорошо им живет. Ближе к вечеру им повстречался поп, они его успокоили, что не грабители и назвали временнообязанными Подтянутой губернии, Уезда Терпигорева, Пустопорожной волости из разных деревень. Лука рассказывает святому отцу об их споре и спрашивает, действительно ли тому так хорошо живет на Руси. И он им рассказывает, что его доля совсем не так сладка, как думал Лука. Нет у попа ни покоя, ни почета, ни богатства. Работа тяжелая, в любое время года и дня могут позвать к умирающему, роженице, для крестин и т. д. И он безропотно отправляется туда, куда зовут. Душа часто разрывается смотреть на людские страдания и к этому невозможно привыкнуть. Нищие крестьяне сами ничего попу дать не могут, поэтому и богатствам взяться неоткуда, часто впроголодь живет поповство, да

всякие мужики над ними насмеваются, называя породой жеребьячей. Товарищи накинулись на Луку с руганью, за то что он обману их. Не попу хорошо и вольготно живется.

Вторая глава поэмы носит название «Сельская ярмонка». Мужики решают сходить в село Кузьминское, чтобы посмотреть ярмонку и узнать, может там они встретят того, кому хорошо и легко живется на Руси. На площади много всяческого товара и тьма людей, пестро, пьяно, красочно и празднично. Глядят на торг, слушают народные байки, смеются. Странники идут в балаган посмотреть комедию с Петрушкой, козой и барабанщицей, с настоящей музыкой, а не шарманкой. Там же сразу появляется и много водки для крестьянского людозрителей. Люди пьют и веселятся. К вечеру наши мужики покидают это развеселое, праздничное село.

Третья глава называется «Пьяная ночь». На окраине села находится питейное заведение и вся широкая дорога за ним заполнена пьяными, спящими, шатающимися и падающими мужиками. Зрелище ужасное. Наши странники слышат знакомый голос Павла Веретенникова, с которым познакомились на ярмарке. Он записывает в тетрадку песни и пословицы простого пьяного люда и говорит, что всем хорош русский мужик, плох только тем, что слишком много пьет. На это ему совсем пьяненький мужик Яким возражает, что жизнь крестьянская настолько тяжела и безрадостна, что иногда не грех как следует напиться. Рассказывает о бедствиях, неурожаях, болезнях и тяжком мужицком труде. Оказывается, что сам Яким когда-то жил в Питере, но потом его посадили в тюрьму за тяжбу с купцом. Домой он вернулся совершенно нищим и вот уже тридцать лет работает на земле. Его дом со всеми заработанными в течение жизни деньгами сгорел, потому что тот сначала спасал картиночки со стен, а не целковые. Но он отстроил новую хату и снова развесил картинки на стенах. Путники вспоминают свои дома и жен, им хочется скорее вернуться обратно, поэтому они подкрепились с помощью скатерти самобраной и пошли в толпу искать того, кому же на Руси хорошо и вольготно живется.

Четвертая глава поэмы называется «Счастливые». В толпе пьяных и трезвых мужиков наши странники попросили отозваться того, кому же по-настоящему хорошо и счастливо живется, а за это обещают щедро напоить. Поскольку даром выпить хочется многим, вскоре собирается целая толпа людей, объявляющих, что они и есть настоящие счастливицы. Но наши мужики их быстро отсеивают одного за другим и выпить не дают. Наливают солдату, который остался жив после многих сражений и битья палками за разные провинности. Поднесли чарку и каменотесу-олончанину за то, что тот много работает и иногда зарабатывает в день на пять серебром, они с женой и матушкой ни в чем не нуждаются и живут хорошо. Охотнику на медведей с поврежденной скулой, которую ему медведица проломила, тоже наливают. Постепенно, странники понимают, что зря раздали водку, по-настоящему счастливого человека они так и не встретили. Тут к ним подсаживается крестьянин Федосей и советует спросить Ермилу Гирина о счастье. Вкратце рассказывает о том, как у последнего была мельница, но по суду ее было велено продать и этот мужик нашел за полчаса на площади достаточно денег, чтобы заплатить задаток за мельницу – для него скинулись деньгами все крестьяне, вся площадь несла ему копеечку. А через неделю Ермил роздал всем обратно задолженные деньги и последний рубль, хозяина которого так и не нашлось, был отдан слепым. До этого его избрали бурмистром над всей княжеской вотчиной. Семь лет он правил там хорошо и справедливо, лишней копейки не брал. Только однажды выручил младшего брата Митрия от рекрутства. И вместо Митрия отправили в солдаты сына Власьевны. Но со временем, сам Ермил стал корить себя за это, собирался повеситься, думали, что он сойдет с ума. Сын Власьевны был возвращен, а Митрий ушел служить. После этого, Ермил уволился со службы и начал заниматься мельницей. Народ его любил еще сильнее, чем раньше. И тут, один голос из толпы сообщает, что Ермил в остроге за бунт в вотчине помещика Обрубкова.

Пятая глава называется «Помещик». Вся компания видит тройку с колокольчиком, в которой сидит помещик Гаврила Афанасьевич Оболт-Оболдуев, шестидесяти лет. Крестьяне обступили его тройку, а семеро здоровых мужиков загородили ему путь. И рассказали о своем споре, попросили помещика честно сказать, хорошо ли ему жить на Руси. Тот им ответил, что раньше действительно была жизнь богатая, роскошная, ни в чем не знали нужды, часто устраивали великолепные псовые охоты, леса кишели дичью, реки – рыбой, а помещичий дом ломился от добра. Но те времена прошли бесследно и теперь разбойники разоряют барские леса, крестьяне разрушают помещичьи дома, вырубает вековые сады на дрова. Порядка никакого нет, дворянство измельчало и перевелось. Ничего почти не осталось от прежней жизни. Поняли путники, что и в помещичьей жизни счастья нет.

Вторая часть поэмы называется «Последыш». Путешественники приходят на Волгу. Видят там дружных косцов, работников-крестьян и знакомятся с главным из них – Власом. Наблюдают, как жирует князь Утятин и рассказывают Власу о своем споре и желании найти того, кому хорошо жить на Руси. Влас рассказывает о помещике, что тот самодур и всегда все делал как хотел, но когда времена изменились и крестьяне стали вольными, старик ни за что не хотел в это верить и не смог измениться, наоборот, стал еще злее и подозрительнее, его хватил удар и он слег. Все думали, что уже не встанет, приехали сыновья с женами и только собрались распорядиться имуществом, как старик внезапно выздоровел и был очень сердит на детей. Тогда они решили соврать, что на самом деле ничего не изменилось, все по-прежнему.

Поверил в это Утятин и сразу повеселел, а наследники попросили крестьян подыграть им, кланяться барину, как прежде, вести себя, как до отмены крепостного права. И крестьяне согласились, а сами постоянно посмеивались над причудами полоумного старика, да ждали, когда же тот уже отдаст Богу душу, настолько он надоел всем. Все было хорошо, пока однажды крестьянин Агап Петров – грубый и несговорчивый мужик не открыл барину правду о том, что на самом деле последнему уже ничего не принадлежит. Разозлился князь и велел Агапа как следует высечь. Тогда бургомистр напоил его до полу-мертвецкого состояния и заставил кричать на конюшне, как будто его бьют. И только когда последнего вынесли на руках, дескать побитого, смягчился помещик. Вскоре Агап неожиданно умирает.

Через совсем небольшой промежуток времени умирает и старый князь, а крестьяне вздыхают с облегчением. Но радость была недолгой, со смертью помещика, пропала и его ласка, и шутки простых мужиков, а наследники так и не отдали крестьянам тех угодий, что обещали, чтобы последние потешили старика.

Третья часть поэмы называется «Крестьянка». Странники решили поискать по-настоящему счастливого человека среди женщин и их направили спросить об этом у губерна-торши. Автор описывает богатый урожай в селе, по которому проходят мужики, осеннюю пору, когда созревают все овощи и никто не голоден. А потом мужики заходят в другую деревню, из которой уехали помещики, видят голод, нищету и разоренный господский сад. Нет больше ни ягод, ни фруктов, ни рыбы в водоемах, само имение загажено и разворовано. Наконец, они встречают Матрену Тимофеевну – красивую статную женщину, лет тридцати восьми и объясняют ей, что ищут того, кому хорошо живется на Руси. За обещание, что они помогут ей сжать всю рожь, она соглашается рассказать странникам о своем счастье.

Первая глава называется «До замужества». Матрена рассказывает, что выросла в хорошей, не пьющей семье, где все заботились друг о друге. С семилетнего возраста она начала работать, была гораздо в молодости и хорошо поработать, и хорошо поплясать. Со временем, нашелся и жених из Петербурга, печник – Филипп Корчагин. Родители не хотели отдавать дочь в чужую сторону, но постепенно смягчились, да и самой девушке приглянулся Филипп. Она вспоминает, что была счастлива только, когда он к ней сватался, а больше и никогда. Вскоре была сговорена и сама свадьба.

Вторая глава третьей части поэмы называется «Песни». Родственники жениха встретили молодую жену не ласково, всем были не довольны. Муж вскоре ушел в работу, а молодая осталась дома с его неприветливой родней. Зимой Матрена родила сына Демушку и была счастлива, ничего ее не расстраивало, пока к ней не начал приставать господский управляющий и только отец свекра ее по-настоящему жалел, поэтому к нему она и пошла за советом, как отвадить этого мужлана.

Третья глава называется «Савелий, богатырь святорусский». Родитель свекра Матрены был сильно заросшим и оттого страшноватым, но очень мудрым и добрым человеком. Он не любил семейку, которая изводила молодую жену, в свой дом не пускал и ему отвечали такой же нелюбовью, даже сын.

В моменты, когда свекор особенно воевал, сердился и досаждал, Матрена с сыном убегали к дедушке, где находили приют и ласку, и тепло. Однажды, Савелий рассказывает, что его дразнят «каторжным», потому, что он действительно был каторжником. А начиналось все с того, что их село было настолько далеко и труднодоступно, окружено дремучими лесами и топкими болотами, что к ним никакой помещик за данью пробраться не мог. Поэтому люди могли не платить барщину годами. Единственные, кто тогда изводили сельчан – медведи, но с ними разговор был короткий и именно после одной такой встречи с медведицей у дедушки хрустнула спина и к старости совсем согнулась, что уже не разогнется.

Но помещик Шалашников повелел им самим к нему явиться, а они – ни в какую. Тогда, как назло, была сильная засуха и полиция смогла до них добраться. Сколько дани они ей не давали, да делать нечего, пришлось все же идти к помещику. Он начал с них требовать дань, а дать и нечего. Потом он стал их пороть. Мужики насобирали ему часть денег, что у них была. Помещику понравилось и он начал их звать каждый год, пороть и забирать деньги. Но хитрые крестьяне никогда не отдавали барину всех денег, что у них были с собой. Терпели побои, но денежку приносили обратно домой целой и невредимой, да смеялись над Шалашниковым.

Потом пришло уведомление, что помещика убили в сражении и его наследник подослал им немца для сбора подати. Он незаметно для мужиков заставил сделать широкую дорогу по которой привез жену и детей. И с этого момента для простого народа начались очень тяжелые времена. Этот немец порол их беспощадно и забирал вообще все деньги. Они терпели его восемнадцать лет. Однажды он заставил их копать колодец, мужики хорошо поработали, но тот был недоволен. Тогда они все, не сговариваясь скинули Христиана Христианыча в яму, которую вырыли и засыпали ее песком. За это дедушку отправили сначала в острог, а потом на каторгу. Двадцать лет строгой каторги и двадцать лет поселения. Но Савелий за это время скопил денег и по царскому манифесту вернулся домой. Построил домик, в котором и сейчас живет. Дети и внуки любили его только пока у того были деньги, а потом начали плевать в лицо, когда деньги закончились.

Четвертая глава третьей части поэмы называется «Дёмушка». Матрена оставила маленького сына у дедушки, пока сама работала в поле – так заставила сделать свекровь. А старик Савелий не смог досмотреть мальчика и его убили свиньи. Начался суд над дедушкой и над самой Матреной, которую обвиняли в убийстве своего ребенка. Похоронить похристиански его не дали и делали вскрытие. Смотреть на это она не могла, она рыдала и выла, ее сочли безумной и связали. Потом мать просто потеряла сознание. Очнулась, когда сыночек был уже в гробу в доме у дедушки и над покойником читали молитвы.

Пятая глава называется «Волчица». Матрена очень-очень долго не могла оправиться от смерти единственного ребенка. Она не работала, ничего не делала по дому, днями и ночами сидя у могилки сына. Дедушку она возненавидела. Стала скучать по родителям. Оказалось, что Савелий сначала ушел в леса с горя, а потом замаливать свои грехи в Песочный мона-

стырь. Женщина с мужем съездила к родителям, и сама не заметила как прошло три года. Она родила еще троих детей и ей некогда было особо плакать о сынишке, нужно было работать.

На четвертый год умерли оба ее родителя и на могилке сына, она встречает Савелия, который вернулся из Песочного монастыря. Он умоляет ее о прощении и вскоре сам умирает. Его хоронят рядом с Демой.

Когда второму сыну Матрены исполнилось восемь лет, свекор отдал его в пастухи. И однажды, пока Федор пас стадо, огромная волчица подкралась и забрала овцу. Мальчик кинулся за ней и не догнал бы ее, если бы из ее сосцов не шла кровь. Она оставляла этот кровавый след повсюду. Потом, вдруг, села, заглянула в глаза пастушечку и жалобно завывала как заплакала. Овца все равно уже была мертвой и мальчишка отдал ее зверю. По глупости сам же об этом и рассказал и его собирались высечь за это. Но вовремя подросла Матрена и уберегла сына от розог. Вместо этого, высекли ее саму.

Шестая глава третьей части поэмы называется «Трудный год». В тот год на небе видели необычную яркую звезду и многие видели в этом дурной знак. Действительно, не уродился хлеб и наступил страшный голод. Потом начался рекрутский набор и несмотря на то, что в солдаты уже ушел старший брат Филиппа, забрали и его. А родня мужа, по-прежнему, не любила золовку и ругала ее детей. Без мужа теперь ее и защитить было некому.

Седьмая глава называется «Губернаторша». Матрена вышла в морозную ночь помолиться, пробежалась по всей деревне, ветер обдул ее горячую голову и ей сразу стало легче. Она много думала тогда и решила отправиться в город к губернатору. Но ей довелось встретиться с губернаторшей – Еленой Александровной. Молодая женщина кинулась ей в ноги, а поскольку тогда была беременна, то от волнения у нее начались роды. Мальчика назвали Лиодором. И губернаторша во всем помогла Матрене. Она помогла найти и вернуть Филиппа обратно. В губернаторском доме пара гостила до весны, а потом вернулась вместе с маленьким сыном домой.

Восьмая глава третьей части поэмы называется «Бабыя притча». С тех пор на селе Матрену стали называть «губернаторшей» и считать счастливицей. Сама она сейчас правит домом, растит пятерых сыновей и говорит, что среди женщин действительно счастливую нечего искать. Рассказывает о тяжелой работе, о том, что хата несколько раз горела, о болезнях. Сравнивает женское счастье с волюшкой, ключи от которой навсегда утеряны и найти их нигде нельзя: ни в море, ни на небе. А странникам советует не спрашивать женщин об их счастье – такого нет.

Четвертая и заключительная часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо» называется «Пир на весь мир» и посвящена Сергею Петровичу Боткину. В конце села растет ива – свидетельница всей жизни вахлаков – жителей села, в которое забрели наши странники. Тут же, на срубе избы расселись мужики, среди которых и путешественники, и Влас, и все остальные крестьяне. Сразу за селением была Волга, а за ней город, точнее, все, что от него осталось после пожара.

Влас с крестьянами рассуждают о том, как им быть с поемными лугами, которые им обещали сыновья старого князя Уятину и за которые теперь затеяли тяжбу с мужиками. Они решают отдать свои луга старосте в качестве оброка и податей, а раз подати уплачены, то крестьянин может жить как хочет: работать или гулять, по своему усмотрению. Решение остается за Власом, который повидал столько горя и обмана на своем веку, что и сейчас сомневается, ему не верится, что с выходом царского «Положенья», те тяжкие оковы, которыми он был скован всю жизнь, наконец, падут. Собравшиеся мужики рассказывают разные истории про помещиков и о том, как им жилось под их гнетом. Постепенно начали спорить о том, кто же всех грешнее на Руси. Немножко подрались. Но вскоре помирились и начали рассказывать разные истории, байки о простых людях, странниках, святых старушках, сплетнях, пели песни, пили водку и радовались, что отныне они – вольные люди. Гуля-

ние затянулось до утра и когда рассвело, крестьяне позавтракали, а только после этого стали разбредаться по домам.

Эпилог поэмы называется «Гриша Добросклонов». У Власа был крестный сын – Гриша, которому дома жилось очень голодно, а от голодной смерти его спасли только вахлацкие мужики, несмотря на то, что те сами часто недоедали. Учась в семинарии, Гриша часто вспоминал вахлачину и знал, что непременно хочет туда вернуться насовсем. Молодого человека одолевали мысли о народе, о его силе, о смелости, о широте души, но, вместе с тем, и о бессилии этого загадочного русского человека, неизведанной души. Он вспоминает песни, которые слышал ранее и заучивает новые, в которых рассказывается о человеческой судьбе, о величии Родины-матушки, о почитании родителей, о бурлаках и их тяжком труде. В конце концов, он приходит к выводу о том, что счастье русского человека заключается в нем самом, он сам творец его.

Мороз, красный нос

Начинается поэма со стихотворения-прощания, посвященного сестре автора – Анне Алексеевне. Он отвечает на ее упреки в том, что поэт давно ничего не создавал и «раздружился с музой», объясняет, что поприще поэта не прочно и не стабильно, нужно обладать немалым мужеством, чтобы не бояться клеветы и зависти. Писатель признается, что ему пора умирать и это его последняя песня, которую он посвящает именно любимой сестре. Благодарит ее за все хорошее, за молитвы о нем. Предупреждает, что эта его песнь будет гораздо печальнее всех предыдущих, поскольку на сердце тоска и тяжесть. Не случайно описание ужасной бури, разыгравшейся за окном, как предвестника чего-то страшного, не хорошего. Об этом же говорит и финальная фраза этого обращения к сестре: «...Милый друг, поняла ты давно Здесь одни только камни не плачут...».

Первая часть поэмы называется «Смерть крестьянина». В ней рассказано о тяжелой утрате для бедной деревенской семьи – смерти крестьянина Прокла. О том, как его жена, некогда сильная, здоровая и красивая девушка, а ныне иссушенная горем и страданием шьет мужу саван из кусков полотна. Она тихо плачет. Резвятся лишь несмышленные дети, не понимая, что произошло. А на дворе воет снежная вьюга, морозно.

В это время, в другой деревне за четыре версты около церкви, старик копает в промерзлой земле могилу для Прокла и сокрушается, что не должно было так все случиться, что рано тому еще было помирать. Этот старик – отец покойника, а его мать оказалась вынужденной покупать сыну гроб. И теперь они а старых дрожках едут в дом к жене Прокла, чтобы забрать тело.

Покойника обрядили в одежды и все это время избегали смотреть в глаза друг другу. Но когда все было закончено, то дали волю своему горю. Приходят соседи, оставляют свечи и уходят. В головах у усопшего всю ночь читает молитвы дьячок. Вдова – Дарья уходит проведать детей, которых отправили ночевать к соседке, старуха стонет на печи, а старик рядом возится с лаптем.

Автор рассказывает, что случилось с Проклом. Он торопился доставить в срок товар, половину суток простоял в глубоком сугробе, а потом еще три дня шел за подводой, несмотря на жар и озноб. Домой он вернулся уже очень больным. Не смогли его спасти никакие народные средства, ни знахарки, ни целебная икона, которую Дарья принесла из отдаленного монастыря, что за тридцать верст от дома. По иронии судьбы, больной увидел любимую жену с иконой, простонал и умер.

Его погрузили в гроб и на коне Савраске отвезли к месту похорон. Там опустили в землю, засыпали, порыдали, прочли молитвы, да разбрелись по домам. Соседки только шептались, что Дарье теперь сильно прибавится работы, да незавидна участь детей покойника. Пожалеть их уже будет некому, как и помочь. В деревне смерть мужа и кормильца семьи была не редкостью и всегда означала очень тяжелые времена для его вдовы и детей, а иногда и вовсе голодную смерть.

После похорон мужа, Дарья возвращается домой и сразу занимается работой, ей некогда кручиниться. Нужно детей покормить, прибраться, избу прогреть. Она собирается топить печь, но видит, что дров не осталось, поэтому решает ехать за ними в лес на Савраске, отправляет детей к соседке и отправляется в путь.

Вторая часть поэмы называется «Мороз, красный нос». Оставшись одна в безлюдном далеком заснеженном лесу, Дарья дает волю слезам и своему горю. Наплакавшись, начинает рубить и колоть дрова. Она старается скорее заполнить весь воз, поэтому торопится и не чувствует, что ноги совсем озябли. Ей кажется, что она говорит с умершим мужем. Рассказывает как подружки летом будут снова на руках качать их красавицу-дочь Машу. Переживает, что

одна не справится со всеми работами, мысленно косит летнюю траву, собирает сено в стог, просит супруга выйти посмотреть, хорошо и правильно ли она все сделала. Думает о том, как она будет одна жать рожь, а помочь ей будет некому. О том, что зимние ночи длинные, а без любимого тоскливо и она будет ткать полотно, чтобы как-то отвлечь себя. О том, как она будет сына женить, когда тот подрастет. Вспоминает, как они обсуждали с мужем его будущую невесту, когда мальчик еще только сам научился ходить и уже тогда собирали деньги на свадьбу. Просит мужа выйти встречать свадебный поезд. Понимает, что теперь некому защитить сына от рекрутского набора, о котором давно говорят в народе.

Вспоминает бедная Дарья как она ходила в далекий путь за чудотворной иконой, не боялась ничего, все старалась сделать для мужа, только боялась сказать как сильно его любит. И в дороге ей все попадались дурные знаки, но она гнала тяжкие мысли прочь. Однако, и икона не сумела ничем ей помочь. Так, задумавшись, она нарубила целый огромный воз дров.

Она уже собиралась ехать обратно с дровами, но о чем-то задумалась и подошла с топором к высокой сосне. В это время свои владения с дозором обходил воевода-Мороз. Он хвастается перед Дашей своей удалью, красотой и богатством, зовет ее пойти с ним во дворец и быть там царицей, не знать нужды ни в чем. Опускается с высокой сосны все ниже, шепчет на ухо нежности, уговаривает согреться, превращается в Прокла, начинает ее целовать, обнимать. Вдова счастлива, она не замечает холода. Ей снится лето, семейная дружная работа, она беременна третьим ребенком, но не говорит пока об этом мужу, она счастлива, все хорошо, никакой беды и горя нет. На душе мир и покой. Так она замерзает насмерть.

Русские женщины

Первая часть поэмы называется «Княгиня Трубецкая». Старый граф-отец провожает свою княгиню-дочь в дальний путь и они не знают, встретятся ли когда-нибудь снова. Девушке тяжела эта разлука, но она не дает воли чувствам. Она прощается с Петербургом и мертвенно-бледная, во всем черном суровой зимой отправляется в одиночку очень далеко. Катерина вспоминает свое безоблачное детство, богатый дом, роскошь, балы, знатных гостей. Потом ей вспоминается юность, как она с молодым возлюбленным переезжает в Рим. Но их счастье длится недолго, хотя, она и запоминает его на всю жизнь, равно как и слезы пролитые об этом. На ее Родине творится безобразие, мужик сильно бедствует, а царь и помещик лютует. Это сильно печалит наивную молодую душу. Княгиня проезжает по стране и везде видит только горе, нищету, тяжкий труд и безысходность. В дурном сне ей снится любимый человек, который заключен в острог и она его приехала спасать.

Ехать еще очень далеко, а мороз ночью оказался особенно нестерпимым, кажется, что замерз и умер ямщик, девушка его поспешно окликает и радостно понимает, что тот просто спал. Ей холодно. Незаметно для себя, она сама засыпает и ей снится солнечный, приветливый юг и счастье с возлюбленным.

Минуло почти два месяца, а княгиня все еще в пути и он еще очень долог. В Иркутске ее встречает с почестями сам губернатор и пытается отговорить продолжать путь, рассказывает как страшен и жесток край каторжников, а мужу своему она все равно ничем помочь не сможет, только погибнет и сама. Уговаривает вернуться к отцу. Все бесполезно, она упряма и рвется к мужу, чтобы разделить свою судьбу с ним. Генерал говорит, что она должна подписать бумагу об отречении от всех прав, прежде, чем ехать дальше. Но девушка, не моргнув глазом, готова сделать и это. Губернатор пытается напугать ее этапным путем и ночевками в снегу, но она и на это готова. Тогда он в отчаянии, соглашается дать ей лошадей для продолжения путешествия. Он понимает, что решение княгини крепко и нерушимо.

Вторая часть поэмы называется «Княгиня М.Н. Волконская». Внуки прося свою мудрую бабушку что-нибудь им рассказать, но она отправляет их гулять, пока лето и говорит, что расскажет свои истории потом, когда они немного подрастут и будут понимать жизнь. Специально для них, она пишет записки, в которых рассказывает обо всех близких ей людях. Кроме этого, она оставит им в завещании альбом, цветы с могилы сестры, коллекцию бабочек и железный браслет, который дед выковал в подарок жене из собственной цепи.

Бабушка начинает свой рассказ с описания детства. Она родилась в деревне под Киевом в богатой и знатной семье. Была любимой дочерью, а ее отец был талантливым полководцем, который своими подвигами возвеличил славу рода. Занятый делами военными, он не вмешивался в семейные, но любил жену и детей, а те его считали полубогом. Окончив ратные походы, он доживал свой век в усадьбе. Его дочь училась всему, что нужно знать знатной дворянке и часто пела в саду. Устраивали роскошные балы, где молодежь танцевала, а старики спорили. Девушка была очень хороша собой и отбоя от ухажеров не было.

Вскоре ей нашли жениха – Сергея Волконского, гораздо старше ее, но генерала. Через две недели сыграли свадьбу. Она почти не знала его ни в бытность женихом, ни в бытность супругом. Однажды, он приехал к ней в Одессу, где она поправляла здоровье, а под утро неожиданно попросил разжечь камин и поспешно сжег все свои документы и письма. После этого, отвез ее в усадьбу отца и уехал.

Она осталась опять без мужа и была уже беременна. Супруг так и не приехал и не написал письма даже после рождения первенца сына. Тогда молодая жена решила ехать сама в Петербург, вслед за мужем, отцом и братом, которые спешно туда ускакали. Девушка была уверена, что с любимым случилось что-то не хорошее. Но ни отец, ни брат ей правды не

сказали, окружив ее стеной, сквозь которую не поступали никакие новости, даже газеты читать не давали.

Потом она узнала, что мужа обвинили в заговоре и подготовке мятежа против властей. В это не верилось и разговор с отцом ее успокоил, она простила благоверного. Здоровье девушки окрепло и она с сестрой поехала в тюрьму повидаться с мужем. Свидание прошло очень нежно, они оба сильно тосковали друг по другу. И несмотря на то, что у обоих были очень знатные и влиятельные семьи, спасти Сергея было никак нельзя. После еще одного свидания, его увезли в Сибирь. Вскоре туда же собралась и молодая жена. Ее семья была яростно против этого. Уговаривали не ехать и угрожали, но она настояла на своем. Ее место – рядом с супругом и в радости, и в горе. А сын оставался в ее родной семье и она знала, что его досмотрят, вырастят и будут лелеять. Со временем он поймет мать.

Девушка пишет письмо государю Николаю, в котором просит позволения ехать к мужу и получает разрешение. Собравшись за три дня, она оставляет сына, родных и уезжает. Тогда был морозный декабрь и за три дня она доезжает до Москвы, где живет ее сестра Зинаида – молодая и талантливая княгиня. Последняя предлагает устроить бал в честь сестры, чтобы отвлечь ту от тяжких мыслей. Весть о визите первой быстро распространилась по всей Москве и на вечер прибыли не только поэты, в числе которых были Одоевский, Вяземский, Пушкин, но и многочисленное семейство. Они восхищались ее героизмом и решительностью. Девушка вспоминает, как знала еще молодого Пушкина, ей даже казалось, что он был немножко в нее влюблен, они все вместе отдыхали в Юрзуфе. Сейчас, на этом вечере, великий поэт горячо поддержал ее желание быть рядом с супругом, нашел для нее правильные слова и на душе сразу стало легче, она поняла, что поступает правильно. Пушкин даже обещал при случае заехать к ним в Сибирь, но так и не заехал. С рассветом она отправилась в дальний путь.

Морозило, дорога была белой и снежной. Навстречу попадались бесконечные обозы, старушки богомолки, почта, купцы, солдаты, помещик со своим егерем. На станциях, как обычно, сутолока. В Казани княгиня делает первый привал, а в окно гостиницы видит бал и вспоминает, что час или два осталось до нового года. Она молода и ей тоже хочется веселья, но она понимает, что едет на муки. Немного отдохнув, девушка снова велит ямщику готовить лошадей, несмотря на то, что поднялась вьюга. Дорога становится все хуже и вскоре совсем пропадает. Ямщик идет ее искать, а княгиня остается в кибитке и понимает, что наступил новый год. Вьюга по-прежнему лютвала, но девица не боялась ее. Вернувшись, ямщик предлагает переночевать в зимовке, что неподалеку. Они разбудили каких-то убогих лесных сторожей, согрелись чаем и отправились спать, а метель становилась все ужаснее. На ночь дверь завалили двумя огромными камнями – одолели медведи.

Рано поутру лесник помог найти дорогу и их путешествие продолжилось, а морозы становились все крепче и скоро стали совсем невыносимыми. Княгиня закрылась в своей повозке и осталась там совсем одна, не видя даже своего ямщика. Она от скуки пела, мечтала и так ехала в течение трех недель.

Один раз она услышала шум, откинула свою циновку и увидела огромное село с крестьянами и крестьянками, они жгли костры и ожидали обоза с серебром. Ямщик сказал, что они тоже смогут на него посмотреть, он уже не далеко идет. Молодая жена была рада этой встрече, она надеялась что-то узнать о муже. Но офицер, который сопровождал обоз, был груб и надменен. Только солдатик рассказывает, что арестанты декабрьского дела живы-здоровы и живут в Благодатском руднике.

Путешествие продолжилось, а утром девушка услышала колокольный звон и вошла в убогую церковь. Там она прослушала обедню, попросила попа отслужить молебен и, наконец, дала выход своим накопленным слезам. Ночью ямщик не смог удержать лошадей и она полетела вместе с кибиткой со слишком крутой горы на Алтае. То же самое случи-

лось и в Иркутске. На Байкале во время переправы она рассталась со своей кибиткой – дороги для саней больше не было. Пересела в телегу, многого натерпелась в пути, часто голодала, попробовала вяленую на солнце говядину и кирпичный чай с салом, который готовили буряты. Только около Нерчинска торговый купец устроил ей настоящий праздник, накормил вкусными пельменями, растопил баню, но девушка почти весь вечер проспала на мягком диване, от усталости.

Утром она прибывает в Нерчинск и не верит своим глазам, видя Катерину Трубецкую. Они радостно обнимаются. И до мужа ехать осталось всего двенадцать верст. Девушки – Мария и Екатерина решают путешествовать дальше вместе, помогать и поддерживать друг друга. Ведь у них общая беда и теперь они почти сестры.

Снова появился снег, можно было ехать в санях и подруги быстро доехали до нужного рудника. Велели вести их к начальнику каторги. Он был очень толстым и глупым, требовал бумагу из Нерчинска, не знал французского и не верил, что перед ним настоящее царское позволение. Маша хотела ехать за этой бумагой, но начальник вызвался сам поехать, а девушкам было бы неплохо отдохнуть с дороги. Они добрались до какой-то хаты со слюдяными окошками, очень низкими потолками и тесной, но рядом была Катя Трубецкая, а вместе им – все ни по чем.

Утром Мария проснулась первой и пошла бродить по деревне, ища место, где держат ее мужа. Вскоре она его находит, но каторжники ушли на работу – охрана ей говорит. Крестьянские дети знали, где работают арестанты и провели ее туда, а сами убежали. Княгиня сильно хотела встретиться с мужем. Вход в низенькую дверь охранял солдат с саблей наголо и он не хотел брать золото, которое ему предлагали. И тут следует благодарность простому русскому крестьянину за то, что помогали как могли и никто ни разу ничем не обидел, наоборот, старались поддержать и утешить. Часовой сжалился над ее рыданиями и пропустил внутрь.

Она долго спускалась все ниже и ниже, потом пошла глухим коридором, на стенах была плесень, стекала вода и собиралась в лужи, было душно, а стены иногда дрожали и с них сыпались комья земли. Внезапно послышался голос дежурного, который был зол и призывал даму вернуться, запрещая дальше идти. Но она задула факел, которым освещала себе путь и наугад побежала вперед, с мольбой не сломать себе ничего и не свалиться ни в какую яму. Ей повезло и она прошла невредимой мимо огромных расселин и провалов. Вскоре впереди замаячил огонек маленькой звездочкой и Маша побежала еще быстрее навстречу. Становилось все светлее и она увидела какую-то площадь и тени на ней. Ее увидели и решили, что это ангел спустился к ним с небес. Раздался голос Трубецкого, узнавшего ее и ей спустили лесенку, по которой она стрелой поднялась наверх.

Там она встретила всех знакомых и многих друзей: Сергей Трубецкой, князь Оболенский, Борисовы и прочие. Только мужа среди них нет, но за ним уже послали. Они шутили и радостно приветствовали ее, но на них были оковы, о которых девушка не знала. Внизу горячился офицер и требовал спустить ему лесенку, но вся компания, наоборот, уходила вглубь и никто ее ему не спускал. Княгиня передает радостные письма из дома для других арестантов, говорит Трубецкому, что Катя тоже здесь и скоро они встретятся. По пути следования им встречались отважные работники в оковах, добывающие руду, часто они рисковали там жизнью, работа велась над бездной и на это страшно было даже смотреть. Наконец, Мария увидела мужа. Встреча оказалась эмоциональной, они очень обрадовались друг другу, но потом их обступили все остальные и повисла гробовая тишина, торжественное молчание, которое не прерывал ни звук молота или оков, ни возглас. Так они стояли крепко обнявшись, а окружающие, глядя на них, каждый думал о своем.

Но снизу снова послышался гневный голос офицера, а смотритель работ сказал, что нарочно скрылся, чтобы не мешать свиданию, но пора расходиться. Внизу Машу грубо обругал тот офицер, а муж ей сверху по-французски сказал, что они теперь встретятся в остроге.

Железная дорога

Ваня (в кучерском армячке).

Папаша! кто строил эту дорогу?

Папаша (в пальто на красной подкладке),

Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!

Разговор в вагоне

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;
Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно – покой и простор!
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.
Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни –
Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...
Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.
Труд этот, Ваня, был страшно громаден
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод название ему.
Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.
Он-то согнал сюда массы народные.
Многие – в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.
Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!
То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?... «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!
Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.
Грабили нас грамотей-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, божии ратники,
Мирные дети труда!
Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»
Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого –
Это всё братья твои – мужики!
Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый больной белорус:
Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;
Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!
Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!
Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.
Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную –
Вынесет всё, что господь ни пошлет!
Вынесет всё – и широкую, ясную

Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только – жить в эту пору прекрасную
Уж не придется – ни мне, ни тебе.
В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул – исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный, –
Ваня сказал, – тысяч пять мужиков,
Русских племен и пород представители
Вдруг появились – и он мне сказал:
«Вот они – нашей дороги строители!..»
Захохотал генерал!
«Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана,
Что же... всё это народ сотворил?
Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?
Вот ваш народ – эти термы и бани,
Чудо искусства – он всё растаскал!» –
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:
«Ваш славянин, англо-сакс и германец
Не создавать – разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;
Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...»
Рад показать!
Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены – немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ
Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!
Всё заносили десятники в книжку –
Брал ли на баню, лежал ли больной:
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот, поди ты!..» Махнули рукой...
В синем кафтане – почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.
Праздный народ расступается чинно...

Пот оттирает купчина с лица
И говорит, подбоченьясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..
С богом, теперь по домам, – проздравляю!
(Шапки долой – коли я говорю!)
Бочку рабочим винаставляю
И – недоимку дарю!..»
Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!
Выпряг народ лошадей – и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

Размышления у парадного подъезда

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь – в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», – говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...
А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,

Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...
Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.
Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни.
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, –
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, – как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..
Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? –
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,

Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется –
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, –
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, –
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

В дороге

– Скучно? скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, расскажи, –
Буду, братец, за все благодарен.
«Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варгане играть и читать –
Всем дворянским манерам и штукам.
Одевалась не то, что у нас
На селе сарафанницы наши,
А, примерно представить, в атлас;
Ела вдоволь и меду и каши.
Вид вальжный имела такой,
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
И не то что наш брат крепостной,
Тоись, сватался к ней благородный
(Слышь, учитель-ста врезамшись был,
Баит кучер, Иваныч Торопка), –
Да, знать, счастья ей бог не судил:
Не нужна-ста в дворянстве холопка!
Вышла замуж господская дочь,
Да и в Питер... А справивши свадьбу,
Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,
Захворал и на Троицу в ночь
Отдал богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...
Через месяц приехал зятек –
Перебрал по ревизии души
И с запашки ссадил на оброк,
А потом добрался и до Груши.
Знать, она согрубила ему
В чем-нибудь али на просто тесно
Вместе жить показалось в дому,
Понимаешь-ста, нам неизвестно, –
Воротил он ее на село –
Знай-де место свое ты, мужичка!
Взвыла девка – крутенько пришло:
Белоручка, вишь ты, белоличка!

Как на грех, девятнадцатый год
Мне в ту пору случись... посадили
На тягло – да на ней и женили...
Тоись, сколько я нажил хлопот!
Вид такой, понимаешь, суровый...
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грех сказать, чтоб ленива была,
Да, вишь, дело в руках не спорилось!
Как дрова или воду несла,
Как на барщину шла – становилось
Инда жалко подчас... да куды! –
Не утешишь ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей в сарафане неловко.
При чужих и туда и сюда,
А украдкой ревет, как шальная...
Погубили ее господу,
А была бы бабенка лихая!
На какой-то патрет все глядит
Да читает какую-то книжку...
Инда страх меня, слышь ты, щемит,
Что погубит она и сынишку:
Учит грамоте, моет, стрижет,
Словно барченка, каждый день чешет,
Бить не бьет – бить и мне не дает...
Да недолго пострела потешит!
Слышь, как щепка худа и бледна,
Ходит, тоись, совсем через силу,
В день двух ложек не съест толокна –
Чай, свалим через месяц в могилу...
А с чего?.. Видит бог, не томил
Я ее безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой...
А, слышь, бить – так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку...»
– Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!..

Поэт и гражданин

Гражданин (входит)

Опять один, опять суров,
Лежит – и ничего не пишет.

Поэт

Прибавь: хандрит и еле дышит –
И будет мой портрет готов.

Гражданин

Хорош портрет! Ни благородства,
Ни красоты в нем нет, поверь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умеет дикий зверь...

Поэт

Так что же?

Гражданин

Да глядеть обидно.

Поэт

Ну, так уйди.

Гражданин

Послушай: стыдно!
Пора вставать! Ты знаешь сам,
Какое время наступило;
В ком чувство долга не остыло,
Кто сердцем неподкупно прям,
В ком дарованье, сила, меткость,
Тому теперь не должно спать...

Поэт

Положим, я такая редкость,
Но нужно прежде дело дать.

Гражданин

Вот новость! Ты имеешь дело,
Ты только временно уснул,
Проснись: громи пороки смело...

Поэт

А! знаю: «Вишь, куда метнул!
Но я обстрелянная птица.
Жаль, нет охоты говорить.
(Берет книгу.)
Спаситель Пушкин! – Вот страница:
Прочти и перестань корить!

Гражданин (читает)

«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Поэт (с восторгом)

Неподражаемые звуки!..
Когда бы с Музою моей
Я был немного поумней,
Клянусь, пера бы не взял в руки!

Гражданин

Да, звуки чудные... ура!
Так поразительна их сила,
Что даже сонная хандра
С души поэта соскочила.
Душевно радуюсь – пора!
И я восторг твой разделяю,
Но, признаюсь, твои стихи
Живее к сердцу принимаю.

Поэт

Не говори же чепухи!
Ты рьяный чтец, но критик дикий.
Так я, по-твоему, – великий,
Повыше Пушкина поэт?
Скажи пожалуйста?!

Гражданин

Ну, нет!

Твои поэмы бестолковы,
Твои элегии не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стих тягуч. Заметен ты,
Но так без солнца звезды видны.
В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыщет зверь,
А человек бредет пугливо, –
Ты твердо светоч свой держал,
Но небу было неуютно,
Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно;
Дрожащей искрою впотьмах
Он чуть горел, мигал, метался.
Моли, чтоб солнца он дождался
И потонул в его лучах!
Нет, ты не Пушкин. Но покуда,
Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...
Гроза молчит, с волной бездонной
В сиянии спорят небеса,
И ветер ласковый и сонный
Едва колеблет паруса, –
Корабль бежит красиво, стройно,
И сердце путников спокойно,
Как будто вместо корабля
Под ними твердая земля.
Но гром ударил; буря стонет,
И снасти рвет, и мачту клонит, –
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!
Вот пес – и тот опасность знает
И бешено на ветер лает:
Ему другого дела нет...
А ты что делал бы, поэт?
Ужель в каюте отдаленной
Ты стал бы лирой вдохновенной
Ленивцев уши услаждать
И бури грохот заглушать?
Пускай ты верен назначенью,
Но легче ль родине твоей,
Где каждый предан поклоненью
Единой личности своей?
Наперечет сердца благие,

Которым родина свята.
Бог помочь им!.. а остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.
Одни – стяжатели и воры,
Другие – сладкие певцы,
А третьи... третьи – мудрецы:
Их назначенье – разговоры.
Свою особу оградя,
Они бездействуют, твердя:
«Неисправимо наше племя,
Мы даром гибнуть не хотим,
Мы ждем: авось поможет время,
И горды тем, что не вредим!»
Хитро скрывает ум надменный
Себялюбивые мечты,
Но... брат мой! кто бы ни был ты,
Не верь сей логике презренной!
Страшись их участь разделить,
Богатых словом, делом бедных,
И не иди во стан безвредных,
Когда полезным можешь быть!
Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убеждение, за любовь...
Иди, и гибни безупречно.
Умрешь не даром, дело прочно,
Когда под ним струится кровь...
А ты, поэт! избранник неба,
Глашатай истин вековых,
Не верь, что не имущий хлеба
Не стоит вещей струн твоих!
Не верь, чтоб вовсе пали люди;
Не умер бог в душе людей,
И вопль из верующей груди
Всегда доступен будет ей!
Будь гражданин! служа искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви;
И если ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:
В твоём труде заблещут сами
Их животворные лучи.
Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,

А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень!

Поэт

Ты кончил?... чуть я не уснул.
Куда нам до таких воззрений!
Ты слишком далеко шагнул.
Учить других – потребен гений,
Потребна сильная душа,
А мы с своей душой ленивой,
Самолюбивой и пугливой,
Не стоим медного гроша.
Спеша известности добиться,
Боимся мы с дороги сбиться
И тропкой торною идем,
А если в сторону свернем –
Пропали, хоть беги со света!
Куда жалка ты, роль поэта!
Блажен безмолвный гражданин:
Он, Музам чуждый с колыбели,
Своих поступков господин,
Ведет их к благородной цели,
И труд его успешен, спор...

Гражданин

Не очень лестный приговор.
Но твой ли он? тобой ли сказан?
Ты мог бы правильней судить:
Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.
Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан!
Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель,
Кто гражданин страны родной?
Где ты? откликнись? Нет ответа.
И даже чужд душе поэта
Его могучий идеал!
Но если есть он между нами,
Какими плачет он слезами!!
Ему тяжелый жребий пал,
Но доли лучшей он не просит:

Он, как свои, на теле носит
Все язвы родины своей.
Гроза шумит и к бездне гонит
Свободы шаткую ладью,
Поэт клянет или хоть стонет,
А гражданин молчит и клонит
Под иго голову свою.
Когда же... Но молчу. Хоть мало,
И среди нас судьба являла
Достойных граждан... Знаешь ты
Их участь?.. Преклони колени!..
Лентяй! смешны твои мечты
И легкомысленные пени – жалобы.
В твоём сравненье смыслу нет.
Вот слово правды беспристрастной:
Блажен болтающий поэт,
И жалок гражданин безгласный!

Поэт

Не мудрено того добить,
Кого уж добивать не надо.
Ты прав: поэту легче жить –
В свободном слове есть отрада.
Но был ли я причастен ей?
Ах, в годы юности моей,
Печальной, бескорыстной, трудной,
Короче – очень безрассудной,
Куда ретив был мой Пегас!
Не розы – я вплетал крапиву
В его размашистую гриву
И гордо покидал Парнас.
Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!
И что ж?.. мои слышав звуки,
Сочли их черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки
Иль поплатиться головой...
Что было делать? Безрассудно
Винить людей, винить судьбу.
Когда б я видел хоть борьбу,
Бороться стал бы, как ни трудно,
Но... гибнуть, гибнуть... и когда?
Мне было двадцать лет тогда!
Лукаво жизнь вперед манила,

Как моря вольные струи,
И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои –
Душа пугливо отступила...
Но сколько б не было причин,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При слове «честный гражданин».
Тот роковой, напрасный пламень
Доныне сожигает грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень.
Бедняк! и из чего поправ
Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты – сын больной больного века?..
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волнения...
Угрюм и полон озлобления,
У двери гроба я стою...
Ах! песнею моей прощальной
Та песня первая была!
Склонила Муза лик печальный
И, тихо зарыдав, ушла.
С тех пор не часты были встречи:
Украдкой, бледная, придет
И шепчет пламенные речи,
И песни гордые поет.
Зовет то в города, то в степи,
Заветным умыслом полна,
Но загремят внезапно цепи –
И мигом скроется она.
Не вовсе я ее чуждался,
Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя –
То гром небес, то ярость моря
Я добродушно воспевал.
Бичуя маленьких воришек
Для удовольствия больших,
Дивил я дерзостью мальчишек
И похвалой гордился их.
Под игом лет душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.
Теперь напрасно к ней взываю –
Увы! Сокрылась навсегда.
Как свет, я сам ее не знаю

И не узнаю никогда.
О Муза, гостьею случайной
Являлась ты моей душе?
Иль песен дар необычайный
Судьба предназначала ей?
Увы! кто знает? рок суровый
Всё скрыл в глубокой темноте.
Но шел один венок терновый
К твоей угрюмой красоте...

Кому на Руси жить хорошо

Часть первая

Пролог

В каком году – рассчитывай,
В какой земле – угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дыряева,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова –
Неурожайка тож,
Сошлись – и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! –
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь –
Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие –
Знать, клад нашли ребяташки
И делят меж собой...
По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:

Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздойком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою –
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале – то скорей.
Идут – перекоряются!
Кричат – не образумятся!
А времечко не ждет.
За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б ночку целую
Так шли – куда не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь глядя
Надумали идти?..»
Спросила, засмеялась,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь...
«Куда?..» – Переглянулись
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились...
Уж ночь давно сошла,
Зажглись звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные,
Дорогу перерезали
Ретивым ходакам.
Ой тени, тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать – обнять!
На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел – умом раскидывал

И молвил наконец:
«Ну! леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться –
Устали, не дойдем
Присядем, – делать нечего,
До солнца отдохнем!..»
Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложились
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили
Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка,
Приспела и закусочка –
Пируют мужички!
Косушки по три выпили,
Поели – и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому, –
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему
Вельможному боярину,
А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,
Не мудрено, что вцепятся
Друг другу в волосы...
Гляди – уж и вцепились!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два братана Губины
Утюжат Прова дюжего, –
И всяк свое кричит!
Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать

Упрямых мужиков.
Царю! – направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! Попу! Попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими
И гадами ползущими, –
И стон, и рев, и гул!
Всех прежде зайка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил, как вострепанный,
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка
Где птенчик? – не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать;
Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом –
Не будешь куковать!
Слетелися семь филинов,
Любуются побоищем
С семи больших деревьев,
Хохочут, полуночники!
А их глазищи желтые
Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит да черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть слышала

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.